

© 1992 г.

ПУПЫНИН Ю. А.

БЕЗЛИЧНЫЙ ПРЕДИКАТ И СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение безличных конструкций (БК) в русистике позволило к настоящему времени систематизировать обширный материал их употребления, выявить основные типы и разновидности БК в русском языке (см. [1—4]). В то же время остается недостаточно разработанным вопрос о семантической специфике БК, об их назначении и об их отличии от других синтаксических конструкций в передаче денотативно-понятийного содержания. Одним из возможных путей рассмотрения этого вопроса является анализ особенностей субъектно-объектных (или, шире, субъектно-предикатно-объектных) отношений, реализующихся в БК¹.

Речь идет прежде всего о выявлении и исследовании особого, малоизученного аспекта субъектной семантики, опирающегося в своем выражении на сам предикат безличной конструкции. В русском языке хорошо известны случаи, когда при отсутствии формально выраженного субъекта предикат становится средством реализации не только собственно предикатного, «признакового», но и субъектного содержания, например, неопределенно-личные конструкции: *Тут снова стучатся в дверь* (Е. Попов), или обобщенно-личные конструкции: *Тише едешь — дальше будешь* (пословица). К конструкциям с «синкретичной» реализацией субъектной семантики могут быть отнесены и БК. Подобная точка зрения уже высказывалась по отношению к БК Т. В. Алисовой [5]. О возможности «семантической инкорпорации» в содержание безличного предиката его субъектного аргумента пишет Л. А. Вирюлин [6]. Однако вопрос о том, какой именно аспект субъектной семантики выражается в безличном предикате, каковы его границы, остается неясным и требует анализа.

Реализация субъектного содержания в БК часто связывается с именным компонентом в форме дательного падежа (дат. п.) [7, 8]. Такая точка зрения имеет определенные основания. Многие БК с формой дат. п. лица обнаруживают смысловую близость с двусоставными конструкциями, например: *Мне с самого утра грустно* (А. К. Толстой), — ср.: *Ася весь вечер была грустна...* (Г. Шергова). Можно добавить также, что субъектный семантический элемент поддерживается в подобных БК средствами актуального членения². Однако в целом реализация субъектного содержания в БК имеет более сложный характер и не исчерпывается указанием на лицо в дат. п. Сама форма дат. п. не является специализированным средством передачи субъектной семантики; она может реализовать

¹ Автор пользуется случаем, чтобы поблагодарить сотрудников Отдела теории грамматики и типологических исследований Института языкознания АН СССР (Санкт-Петербург) Л. А. Вирюлина, А. В. Бондарко, М. Д. Воейкову, В. С. Храковского, прочитавших рукопись статьи и высказавших ряд ценных советов и замечаний.

² Укажем, что в случаях *Грустно мне*, *Знобило его* порядок слов воспринимается как обратный.

также и объектный семантический элемент, как, например, в случае *Ему стало страшно* — ср.: *Ему стал страшен этот человек*. Сопоставление данных конструкций позволяет обнаружить аспект направленности признака, обозначенного предикатом, на объект-лицо. Различие при этом состоит в следующем: в двусоставной конструкции указывается, что признак имеет вполне определенный источник вне объекта, между тем как в БК источник признака не является фиксированным («централизованным»), поскольку обозначение источника не входит в задачи говорящего. Акцент в БК перемещается на охваченность лица данным признаком, однако преобразование в двусоставную конструкцию по образцу *Ему весело* — *Он весел* в таких случаях не приводит к смысловой близости, ср.: *Ему страшно* — *Он страшен*³.

«Децентрализация» субъектного содержания в БК ведет к его многоплановости, к отсутствию единого «точечного» носителя признака, с которым можно было бы соотнести содержание безличного предиката. Такая особенность БК связана с принципиальным отсутствием типовой синтаксической позиции для выражения субъектной семантики — позиции подлежащего. Вместо автономной реализации субъектного содержания в БК происходит его «рассеивание» в различных компонентах конструкции (о возможности нескольких различных источников «субъектной информации» в предложении см., например [9]). Один из важных аспектов субъектного содержания синкретично реализуется в самом безличном предикате. Наиболее адекватной характеристикой данного аспекта «децентрализованного» субъектного содержания является понятие «среды проявления признака». Понятие среды уже используется в лингвистических исследованиях, в частности в плане сопоставления системы и окружающей ее среды [10]. В нашей статье взято за основу иное, более узкое понимание среды как пространства вместе с его внутренним содержанием — веществом, телами и т. д. (ср. сходное толкование одного из значений слова *среда* в [11]). При таком понимании пространство выступает как существенный и обуславливающий компонент среды, однако в содержании БК среда не сводится только к пространству. Точнее будет сказать, что среда — это пространство, организованное данным признаком, т. е. качественно определенное, «непустое» пространство. Именно в этом смысле представляется возможным говорить о среде проявления признака как о его денотативно-понятийном носителе. Таким образом, существенными оказываются не только геометрические параметры среды, но и ее физические и иные параметры. Геометрические параметры среды могут оставаться постоянными, например: *В чулане темно* — *В чулане светло*, однако при изменении признака данная среда становится иной средой, с иными качествами. Для сравниваемых примеров носителем признака является не просто внутреннее пространство чулана, а неосвещенное пространство в первом примере и освещенное во втором, причем первое нельзя наблюдать при включенном электричестве, а второе — при выключенном.

В тех случаях, когда БК состоит из одного безличного предиката, ее содержание передает не просто «чистый» процесс или «чистое» состояние, абстрагированные от условий своей реализации, но процесс или состояние в среде их проявления, например: — *Холодно!*. Среда проявления признака может быть уточнена с помощью локализатора, ср.: *В доме*

³ Возможно, одна из причин отсутствия смысловой близости в процессе подобных преобразований связана с оценочной семантикой. Ср. «дискомфортные», отрицательно оцениваемые состояния *неприятно*, *жестко*, *отвратительно*: — *Милому Лужину было неприятно* (В. Набоков) — *Милый Лужин был неприятен*.

холодно, и/или с помощью указания на лицо, испытывающее состояние, ср.: *Ему холодно; Ему в доме холодно*, но в любом случае среда проявления признака должна рассматриваться как нечто имманентное представленному в БК процессу или состоянию и существенное для него, поскольку не имеющий субстанционального носителя признак должен как-то (= в чем-то) проявляться.

На связь содержания БК со средой (в принятом выше понимании) указывали многие исследователи. Наличие в содержании большинства односоставных предложений реализованного или ситуативно восполняемого пространственного компонента отмечается в работе С. Н. Цейтлин [12]. Конструктивным элементом семантической структуры безличных предложений считает компонент с пространственным значением М. Гиро-Вебер [13]. На «нулевой» способ представления семантики среды в ряде безличных конструкций указывал И. А. Мельчук [14].

На наш взгляд, отмечаемая связь признака, выраженного безличным предикатом, со средой проявления данного признака имеет принципиальный характер. Именно средю следует считать носителем признака, обозначенного безличным предикатом. Иначе говоря, среда проявления признака выступает как доминанта (основа) субъектной семантики в содержании безличных конструкций.

В трактовке среды как носителя признака скрыта определенная парадоксальность, основанная на целом ряде противоречий. Субъект, как правило, субстанциален (предметен). Между тем субстанция (предмет) и среда обладают достаточно резким противопоставлением. Можно выделить, в частности, следующие линии противопоставления субстанции и среды: субстанция дискретна — среда недискретна; субстанция носит «точечный» характер — среда рассеяна в пространстве; субстанция может допускать прямое (непосредственное) восприятие — среда лишь косвенно перцептивна благодаря процессу или состоянию, которые в ней происходят; субстанция ограничена от среды — среда включает в себя субстанцию. Следуя Ст. Андерсону [15], средю можно отнести к референциально слаборазличимым субъектам, «в меньшей степени различимым», чем субстанциальный субъект.

В то же время противопоставление субстанции и среды не является абсолютным. Существует целый ряд когнитивных предпосылок к тому, чтобы рассмотреть и сопоставить средю и субстанцию в одной плоскости. Некоторые из предпосылок такого анализа заложены уже в особенностях языковой семантики. Само обозначение среды с помощью существительного ведет к возможности ее субстанционального осмысления, ср.: *туман, темнота, жара*, наконец, само существительное *среда*, создающее возможность для мышления среды как некоей особой субстанции, обладающей комплексом свойств⁴. С другой стороны, употребление существительного в форме предложного падежа (*в городе, в шкафу* и т. д.) дает возможность выявить в содержании субстанции аспект среды.

Другие предпосылки для сопоставительного анализа субстанции и среды заложены в денотативно-понятийном аспекте их содержания. С точки зрения научных физических представлений различие субстанции и среды также является относительным. Как правило, на определенном уровне физического анализа то, что считается средой, обнаруживает субстанциональную структуру. Наиболее простым примером является наличие

⁴ Напомним, что А. А. Потебня определял субстанцию именно как «связку свойств» [16, с. 503—504].

множественной атомарной (молекулярной) структуры у любой газообразной или жидкой среды.

Таким образом, считая среду носителем признака в БК, мы вправе рассматривать ее как периферию предметности, как то, что отличается от субстанции, но частично обладает субстанциональными свойствами. Такому рассмотрению будет способствовать выявление различных семантических особенностей среды, представление среды как «связки» свойств.

1. **Общая характеристика носителя признака в БК.** С нашей точки зрения, в характеристике среды как носителя признака в БК возможно выделить, по крайней мере, четыре свойства. Среда — это носитель признака: I — недискретный, нерасчлененный с процессом или состоянием; II — рассеянный, «размытый» в пространстве; III — обладающий лишь косвенной перцептивностью, т. е. воспринимающийся не непосредственно, а именно благодаря проявляющемуся процессу или состоянию; IV — проницаемый, диффузный, способный включать в себя (интегрировать) субстанции как свои собственные элементы. Рассмотрим эти свойства с необходимыми комментариями.

I. Недискретность, нерасчлененность с процессом или состоянием. Это свойство занимает центральное место во всем комплексе. Оно связано с трактовкой денотативно-понятийного содержания БК как пространственно-временного единства. Темпоральные аспекты указанного единства соотносятся с признаковым (акциональным или статальным) содержанием предиката, а пространственные аспекты — с недискретным носителем признака, средой. Конкретные типы среды, «слитой» со своим признаком, раскрываются в зависимости от конкретного содержания предиката, лексическая семантика которого выражает качественную определенность среды, обуславливает ее возможные элементы и потенциальную сферу распространения.

а) Конкретно-физический тип среды. Речь идет о БК с предикатами, обозначающими физические процессы и состояния, например: *Прежде всего он (кабинет. — Л. Ю.) весь полыхал светом: горело под лепным потолком, горело на столе, горело на стене, в стеклах шкафов* (М. Булгаков); *Было тихо и совершенно безветренно* (Ю. Домбровский). Представляемые в БК процессы и состояния проявляются в реальном пространстве окружающего мира, которое наполнено естественными содержимыми (воздухом, снегом и т. д.), например: *Повеяло зимней свежестью, понесло снегом и ветром...* (И. Бунин). С данным типом среды связаны возможные распространители содержания безличного предиката, в частности пространственные параметры-локализаторы: *А в печке глухо гудело...* (И. Бунин). Кроме того, следует отметить возможность выражения элементов среды, существенных для проявления признака, например: *Всю ночь выло, качало со скрежетом фонари, брякало наружной щекоткой...* (Г. Владимов).

б) Физиологический тип среды. Данный тип представлен БК с предикатами, обозначающими физиологические процессы и состояния. Например: *Он почувствовал томление и страх, от которого заглодело в брюхе, и забегал пощипывать в лицо хозяина* (Г. Владимов); *Он взволновался, ему стало жарко, и круг шляпы давил виски* (В. Набоков). Представляемые в БК признаки проявляются в теле человека (или другого живого существа). В принципе и здесь можно обнаружить реально-пространственный аспект проявления признака, поскольку указание на конкретное живое существо, испытывающее состояние, может расцениваться одновременно и как пространственная локализация признака [17]. Однако в данном случае более существенной является специфика самого тела как качест-

венно особого «живого» пространства — целого самостоятельного мира, в различных частях которого могут происходить процессы и протекать состояния. О возможности именно такой трактовки свидетельствует, в частности, различие при использовании локализатора *здесь* в БК типа *Здесь больно*; *Здесь щиплет* и в БК, представляющих конкретно-физическую среду, например: *Здесь тихо*; *Здесь дует*. В этих случаях пространственная локализация происходит в принципиально различных системах координат.

в) Ментально-эмоциональный тип среды. Данный тип представлен БК с предикатами, обозначающими ментальные и эмоциональные процессы и состояния. Например: *У меня шевельнулось маленькое подозрение, но мне его стыдно* (Т. Сухотина-Толстая); *Пока Хвилькин не говорил мне ни слова, я был уверен, что он влюблен; а сказал Хвилькин, и мне стало не верить* (Я. Полонский); *Мимо все проходили люди, и Лужину постепенно становилось страшно* (В. Набоков). В содержании среды проявления таких признаков преобладает уже не конкретно-физический, а субъективно-психологический смысл. Представляемые в таких БК признаки проявляются во «внутреннем мире» человека как особом (в значительной мере условном) пространстве ощущений, мыслей и т. д. (о сближении и пересечении сферы эмоций и «ментальной сферы» как различных аспектов внутренней жизни человека см. в работе Е. М. Вольф [18]).

Список разновидностей БК, представляющих различные типы «условно-пространственной» среды, можно продолжить. Характеризуя среду как условное пространство, нужно отметить, что отражательный аспект в содержании недискретного носителя признака в таких случаях ослабевает, а интерпретационный аспект усиливается (о разграничении отражательного и интерпретационного аспектов языковой семантики см. [19]). Однако следует помнить, что абсолютно «чистой» языковой интерпретации, т. е. полностью отличающейся от денотативно-понятийной структуры передаваемого содержания, по-видимому, не бывает [20]. Потенциальная смысловая многоструктурность реальных событий приводит к тому, что любая закрепленная в языковых средствах семантическая интерпретация отвечает определенному «видению» реального события. Интерпретационный аспект в языковой семантике может преобладать, однако за ним всегда «просвечивает» денотативно-понятийная структура, взятая под определенным углом зрения. Например, конструкции типа: — *За деньги все можно купить, — кричала Верочка* (А. Ремизов) передают возможность, проявляющуюся в некоторой условной сфере объективного существования данной возможности⁶. Отметим также, что для некоторых БК, в частности для БК, включенных в сложное предложение, условно-пространственная сфера проявления признака может получать дополнительную характеристику в контексте. Так, условная «среда» может раскрываться в контексте как реальная ситуация (событие, положение дел), которая выступает, с точки зрения воспринимающего ее лица, как носитель определенного свойства, например: *Но странно — мое отчаяние начинает укреплять меня!* (И. Бунин). Подобная конкретизация еще более ослабляет

⁶ Содержание БК, включающих инфинитив, связано с особенностями, которые здесь не рассматриваются. Укажем лишь, что в БК с инфинитивом представлен еще один аспект субъектно-объектных отношений, обусловленных самим инфинитивом и не всегда совпадающих с субъектно-объектными отношениями, опирающимися на безличный предикат. Ср., например: *Совестно тебе так говорить!* — где форма дат. п. выявляет в своем содержании объектный элемент по отношению к состоянию *совестно* и субъектный элемент по отношению к действию *говорить*.

денотативно-понятийный аспект содержания среды. Однако при этом ослабевает и специфика БК; появляется возможность включения в конструкцию местоимения-подлежащего и сближения с двусоставными конструкциями, например: *Еще мне грустно то, что мамá в Москве очень беспокойна и нервна и осталась одна с малышами* (Т. Сухотина-Толстая).

II. Рассеянность в пространстве. Это свойство основано на том, что среда по самой своей природе противостоит «точечности» и образует некоторый континуум. Ю. С. Степанов считает неопределенность пространственно-временных границ «субъекта предложения» существенной чертой безличности [21]. Выделяются следующие разновидности реализации данного свойства.

а) Неограниченная пространственная рассеянность. Например: *Тепло. Пахнет речным туманом, который успел оторваться от воды и путается теперь в вершинах прибрежных деревьев... Пахнет мятой-травой* (В. Солоухин). Строго говоря, в таких случаях пространственные ограничения на сферу распространения признака существуют, однако эти ограничения обуславливаются лишь возможностями человеческого восприятия. Речь идет о границах фиксации проявления признака, теряющихся во внешней перспективе по отношению к наблюдателю (реальному или потенциальному). В частности, в случае *Пахнет мятой-травой* речь идет о проявлении признака во всем «обобщаемом» пространстве.

б) Ограниченная пространственная рассеянность. Данная разновидность встречается в БК значительно чаще, чем предыдущая. Имеются в виду случаи, когда в самой БК или в более широком контексте задан локализатор, более или менее четко ограничивающий среду распространения признака. Например: *Уходил генерал сказал:— Очень холодно в барраке и сквозняк* (В. Вересаев); *В кладовой было темноато, пахло сузой рогожей и соленой рыбой* (Ю. Домбровский). Под пространственной рассеянностью в данном случае следует понимать непрерывность распределения признака внутри локализатора, высокую вероятность проявления процесса или состояния в любой точке очерченного локализатором пространственного объема. Среда рассеивается в ограниченной и конечной внутренней перспективе локализатора, однако в силу недискретности среды, ее потенциально бесконечной дробимости внутренняя перспектива «рассеянности» по отношению к возможному наблюдателю обладает достаточной глубиной.

С нашей точки зрения, сам локализатор не может быть отождествлен с носителем признака. Во-первых, в БК специально не выражается полный охват субстанции-локализатора проявляющимся процессом или состоянием, хотя это и вполне вероятно. Во-вторых, среда проявления признака может выходить за пределы локализатора, ср.: *Между тем в девичьей становится уже совсем темно...* (И. Бунин), где наступление темноты в комнате констатируется на общем фоне сумерек. Таким образом, локализатор лишь указывает границы, в которых распространение признака является актуальным. Локализатор дает, так сказать, количественную характеристику среды, между тем как ее качественная характеристика реализуется только в безличном предикате.

Особые замечания необходимы в этом отношении для ментально-эмоционального типа среды. БК, представляющие данный тип среды, могут включать условно-пространственные локализаторы, характеризующие «паивную геометрию» [22] внутреннего мира, например: *На душе у нее было беспокойно и жутко...* (Гэффи). Наличие условного локализатора не дает возможности отнести такие БК к случаям ограниченной простран-

ственной рассеянности. Однако подобные БК могут включать и реально-пространственный локализатор, например: *Мне тут одиноко и беспокойно, и вчера я так мучилась, что не могла всю ночь заснуть* (Т. Сухотина-Толстая). Выявление в подобных случаях ограниченной пространственной рассеянности представляется правомерным.

III. Косвенная перцептивность, т. е. возможность восприятия среды только благодаря данному процессу или данному состоянию. Разновидности этого свойства определяются в зависимости от того, может ли носитель признака быть «изолирован» от процесса или состояния, допускается ли его прямое восприятие, не связанное с указанным процессом или состоянием. Здесь можно выделить два основных случая.

а) Косвенная перцептивность, исключающая возможность «изоляции» носителя признака от самого признака. Это случаи, когда языковая интерпретация вполне соответствует реальной недискретности носителя признака в денотативно-понятийном плане. Например: *Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко ползет желтобрюхая грозовая туча. Вдали густо заворчал* (М. Булгаков).

б) Косвенная перцептивность, допускающая возможность изоляции носителя признака от воспринимаемого признака. Обычно носитель признака при этом имеет «точечный», субстанциальный характер, но в передаваемой в БК ситуации он по каким-либо причинам не может быть воспринят наблюдателем или же говорящий специально интерпретирует его как среду. Например: *...На сковородке ворчал, пузырилось и кричало* (М. Булгаков). Показательно, что в приведенном высказывании событие представлено с точки зрения собаки, которая из-за своего роста не может видеть содержимого сковородки. Именно к этой разновидности необходимо отнести случаи, которые Д. Н. Овсянко-Куликовский называет «относительной бессубъектностью» [23]. В этой разновидности среда «более» субстанциальна, чем в предыдущей. Очевидно, существует определенная связь между количеством безличных признаков, характеризующих одну и ту же среду, и степенью субстанциальности среды. При увеличении количества предикатов, т. е. по мере «сгущения» свойств, субстанциальность среды может нарастать.

Понятие перцептивности (воспринимаемости) является очень существенным в анализе содержания БК. Это понятие использует в характеристике процессной семантической функции глагола А. В. Бондарко [24, с. 120—122]. С нашей точки зрения, оно имеет важное значение и для характеристики семантики состояния, в том числе непроцессуального состояния. При изучении содержания БК понятие перцептивности становится просто необходимым.

IV. Проницаемость, диффузность, способность включать в себя (интегрировать) другие субстанции. Данное свойство требует особого внимания, поскольку оно имеет прямое отношение к упоминавшейся в начале статьи способности БК представить субъектные и объектные семантические элементы в содержании одной и той же словоформы. Суть рассматриваемого свойства среды состоит в ее принципиальной открытости для любых объектов реальной действительности, затрагиваемых процессами или состояниями, которые в ней происходят. Эта открытость означает, что предмет или лицо (любая субстанция), участвующие в проявлении признака, сами становятся естественной средой (элементами среды) его распространения.

Субстанции, представленные формами косвенных падежей, выступают как точки, включенные в тот континуум, который является денотативно-

понятийным носителем признака (процесса или состояния). Поэтому возможности проявления субъектной семантики (хотя, как это уже подчеркивалось, в «неполном», ослабленном виде) в форме любого косвенного падежа заложены уже в строении и содержании БК как типовой синтаксической структуры.

Можно выделить следующие разновидности интеграции субстанций в среду проявления признака.

а) Интеграция в среду проявления признака реальных объектов, участвующих в осуществлении процессов и состояний. Например: *Парус оборвало, мачту сломало, руль не послушался* (Б. Шергин); ... *Губы его подергивало* (И. Тургенев); *И головке-то тяжело...* (Н. Карамзин). Осмысление субстанций-объектов как элементов среды проявления признака т.е. как элементов субъекта, подтверждается возможностью преобразования БК в двусоставную конструкцию, ср.: *Парус оборвался; Мачта сломалась; Губы подергивались; Головка тяжела*. Подчеркнем, что в двусоставной конструкции по сравнению с БК содержание носителя признака сужается. В БК субстанция в объектной позиции выступает лишь как элемент (хотя иногда и очень существенный) носителя признака, соотносимого со средой; в двусоставной конструкции та же субстанция интерпретируется как единственный носитель признака (участие в преобразовании процессуальных БК возвратного суффикса — *ся*, «закрывающего» действие на субъекте, является не случайным). Отметим, что формы косвенных падежей в БК не утрачивают соответствующие объектные функции, но дополнительно развивают также оттенок субъектного значения, хотя и в строго определенной модификации, т.е. при условии трактовки субъекта как среды. Отчетливость субъектного оттенка зависит от того, в какой степени данная субстанция может быть осмыслена как существенный элемент среды проявления признака.

б) Интеграция в среду проявления признака воспринимающего и переживающего его лица — перцептора (реципиента). Например: *Ивану Васильевичу стало невольно грустно; он встал со своего места и подошел к темному углу* (В. Соллогуб). Содержание «безличного дательного», обозначающего лицо, раскрывается в двух аспектах: с одной стороны, это лицо, охваченное не зависящим от его контроля состоянием (объектный аспект); с другой стороны, это лицо, являющееся одним из носителей «всечеловеческого внутреннего мира» как ментальной среды проявления данного состояния (субъектный аспект). Существенная для БК связь и взаимообусловленность признака и воспринимающего и переживающего его лица отмечается, в частности, в работе М. Лейнонен [25]⁶.

К этой же разновидности относятся БК с предикатами типа *прохладно, тепло, морозит* и т. п., подразумевающими как физическую так и физиологическую природу своего проявления, например: *Нам было очень холодно, зотя Саша была в ваточном, а я в драповом* (Т. Сухотина-Толстая).

Для полноты характеристики рассматриваемой способности среды к интеграции субстанций необходимо выделить также третью разновидность. Речь идет о тех случаях, когда элементы среды оказываются невыраженными (наэксплицированными).

в) Интеграция в среду проявления признака невыраженных элемен-

⁶ В указанной работе это лицо трактуется как экспериенцер. На наш взгляд, содержание формы дат. п. в таких конструкциях является более широким. Так, с позиций падежной грамматики, на которые опирается работа М. Лейнонен, в нем можно выявить также элементы бенефактива и локатива.

тов. Например: *Было лето. Жарко. Мы пошли купаться на пруд* (К. Коровин); *Светло от луны так, что читать можно, морозно, визжат сани, кобылка бежит весело, мы все молчим и каждый думает о своем* (Т. Сухотина-Толстая). В представленных здесь примерах не выражен перцептор соответствующих состояний, однако имплицитно восприятие признака говорящим и вообще потенциально возможным наблюдателем. Некоторые предикаты вообще не допускают экспликации перцептора в структуре БК именно потому, что элемент восприятия признака и, соответственно, наличия перцептора оказывается «встроенным» в их лексическую семантику, например: *Пазло мокрой известью с олифой* (Ю. Домбровский).

I, II, III и IV свойства среды проявления признака, обозначенного безличным предикатом, могут пересекаться в содержании отдельных БК. Тем самым создается возможность многоаспектной содержательной классификации рассматриваемых конструкций, учитывающей разновидности реализации перечисленных свойств.

2. О носителе признака в процессуальных БК. Перечисленные свойства среды как синкретичного носителя признака, опирающегося на безличный предикат, являются наиболее общими и обнаруживаются как в процессуальных, так и в непроцессуальных БК. Рассмотрим теперь два частных свойства, существенные для процессуальных БК с предикатами-глаголами.

Относительная стабильность («инертность») среды. В содержании процессуальных БК включается обусловленный грамматическими категориями вида и времени элемент динамики, развития признака. Поскольку в языковой семантике БК выражается нерасчлененность пространственно-временных элементов проявления признака, то указанная динамика затрагивает и среду. Однако среда обнаруживает определенную устойчивость, стабильность по отношению к резким изменениям вследствие своей пространственной объемности (рассеянности).

В БК с глаголами несовершенного вида (НСВ) реализуется преимущественно процессная функция. При этом развитие действия может быть связано, в частности, с пространственным перемещением каких-либо элементов среды, постепенным изменением их качеств, происходящим на фоне общей стабильности и неизменности среды проявления процесса. Например: *В растворенную дверь несет холодом, пазнет снегом...* (И. Бунин); *Полдень. Парит* (Б. Савинков). Для таких БК характерны неопредельные глаголы НСВ, усиливающие статальность («стабильность») обозначенного события, отсутствие продвижения к пределу. В принципе в таких БК могут выступать и предельные глаголы НСВ. Однако достижение действием предела в перспективе своего развития не ведет при этом, как правило, к «ликвидации» среды, а знаменует лишь завершение перехода среды в определенное состояние. Например: *Темнело быстро, я шел, приближался к лесам...* (И. Бунин). Следует заметить, что процессная функция НСВ тесно взаимодействует с такими свойствами среды, как недискретность и пространственная рассеянность. Акцент на «срединности» действия и отвлечение от начальной и конечной границ его протекания во времени (см. [24, с. 118—120]) позволяют говорить о темпоральной «открытости» отрезка, соответствующего положению процесса на оси объективного времени. Указанная темпоральная «открытость», выступая как аспект существования среды, включается в общее свойство недискретности среды как периферии субстанциальности. В случае выражения повторяющегося действия неограниченно-кратная функция НСВ в БК обычно имплицитно подразумевает элементы процессности, постепенности осуществления каждого отдельного акта в це-

почке повторений, например: *Дело в том, что зимой темнеет рано...* (И. Шмелев).

В БК с глаголами совершенного вида (СВ) стабильность среды проявляется более сложным образом. Эта сложность обусловлена тем, что при реализации центральной для СВ конкретно-фактической функции эксплицируется целостность действия, и тем самым действие вместе со средой своего проявления обретает четкие временные границы, темпоральную дискретность. С одной стороны, стабильность среды обнаруживается в тех случаях, когда в БК с глаголами СВ реализуется перфектная разновидность конкретно-фактической функции, например: *Потемнело и посвежело* (М. Булгаков). В случае перфектности среда, в которой происходило действие, продолжает свое существование и после его завершения, выступая как носитель результативного состояния. Аспект стабильности среды обнаруживается также в распространенных примерах передачи формами СВ в БК наступления, начала действия, сближающихся с перфектной семантикой в том смысле, что формы СВ интерпретируют как конкретный факт начальную фазу действия, тогда как результатом этого факта является продолжение реализации действия, ср.: *Скоро задымил так, что стало невозможно дышать* (Б. Пастернак). С другой стороны, при функционировании форм СВ в БК не исключается проявление определенного динамизма в характере среды. Это касается хорошо известных конструкций типа *Улицу занесло*, например: *Самих нас совсем залепило и замело, а мы как заведенные вытаскивали абсолютно одинаковых стандартных щупленьких окуньков* (В. Солоухин). При переходе от действия к результативному состоянию содержание среды меняется: действия *залепило* и *замело*, которые в своем пределе привели к соответствующим результативным состояниям, проявлялись в недифференцированной от них среде, включающей говорящего, его спутника и окружающее их пространство, однако после наступления и актуализации состояний «средоточием» признака выступает только говорящий и его спутник. В данном случае динамизм среды обнаруживается в ее дифференциации: с течением времени определенные элементы среды обнаруживают большую актуальность по сравнению с остальными элементами. Возможность дифференциации среды во времени на актуальные и неактуальные элементы, обнаруживающаяся в БК с глаголами СВ, дополняет отмеченную выше возможность интеграции в среду субстанций — участников проявления признака. Важно отметить, что в случае развития признака во времени среда его проявления не исчезает; будучи периферией предметности, среда взаимодействует с предметным миром, либо включая, интегрируя в себя субстанции, участвующие в действии, либо выявляя, дифференцируя их внутри себя.

Несущественность источника признака⁷. Понятие носителя признака является наиболее общим в характеристике субъектного содержания. Исходя из того, что субъект и объект представляют обобщенные семантические роли [27], понятие носителя признака возможно соотнести с его частными вариантами, среди которых для предикатов-глаголов наиболее важным оказывается вариант реального производителя или источника действия. В содержании БК, в котором субъект-

⁷ В выделении данного свойства мы следуем работе А. В. Бондарко [26], в которой отмечается семантический элемент несущественности лица в содержании односоставных неопределенно-личных конструкций. В отличие от неопределенно-личных конструкций в содержании БК проявляется, на наш взгляд, еще более «сильный» элемент несущественности любого субстанционального источника признака.

ной доминантой является семантика среды, связь действия с его реальным производителем (источником, агенсом) ослабляется, делается несущественной. В примере *В вагоне захрапело, запахло спящими людьми, сапожной кожей и свежеею гарью* (Б. Пильняк) первая часть высказывания представлена БК, близкой по смыслу к неопределенно-личной конструкции *В вагоне захрапели*. Если исходить из того, что обе эти конструкции способны обозначать одно и то же реальное событие, то различие между ними в языковой семантической трактовке данного события состоит в следующем. В неопределенно-личной конструкции синкретичный носитель признака соотносится с одним или несколькими лицами. Однако несмотря на неопределенность лица здесь важно то, что носитель признака — это лицо, человек. Отсюда вытекают «точечность» носителя признака (и в данном случае — его источника), потенциальная привязка проявления действия к неопределенному, но ограниченному числу точек внутри вагона. В случае БК синкретичный носитель признака соотносится со средой проявления действия, которая определяется зоной восприятия соответствующих звуковых сигналов со стороны реального или потенциального перцептора. При этом «местонахождение храпа» фиксируется везде, в любой точке указанной пространственной зоны. Тем самым носитель признака в случае БК рассеивается, «разрастается», заполняя пространство вагона. В эту среду входит и реальный источник признака (его наличие обуславливается здесь общей сигнификативной ситуацией и лексической семантикой предиката), но в содержании БК он не противопоставляется среде. Таким образом, несущественность источника признака и представление о среде проявления признака как его носители взаимообуславливают друг друга. На наш взгляд, такая семантическая взаимообусловленность составляет основу для перехода от понятия «среда» к понятию «стихия». Иначе говоря, стихию мы можем определить как среду проявления признака, в которой источник признака не противопоставлен другим элементам среды, а составляет с ними единое целое.

Несущественность субстанциального источника признака выявляет дополнительный аспект в отграничении БК от двусоставных конструкций. Дискретное выражение субъекта в позиции подлежащего акцентирует в содержании конструкции элемент субстанциального источника («производителя») действия например: *В трубе начинает завывать на разные голоса ветер...* (И. Бунин); *За кустами что-то зашумело* (М. Пришвин). Источник действия становится началом отсчета в субстанциальном «исчислении» содержания высказывания, а среда проявления действия отступает на второй план, воспринимаясь как нечто естественное и тривиальное. В БК, напротив, акцентируется среда проявления признака, которая выступает как начало отсчета в субстанциальном исчислении содержания высказывания, а источник действия отступает на второй план как несущественный, ср.: *В трубе начинает завывать на разные голоса; За кустами зашумело*. Отсюда следует, в частности, что семантическое своеобразие русских БК носит в большой степени конкретно-языковой характер. Использование выводов об их содержании требует осторожности в применении к другим языкам, в частности английскому, французскому, немецкому, в которых субъектность в БК обладает дискретным (пусть даже формальным и семантически опустошенным) выражением.

3. О носителе признака в БК с краткими пассивными причастиями. БК, предикаты которых представлены краткими пассивными причастиями СВ (реже — НСВ) прошедшего времени, например: *Толкнул двери мастерской. Заперто* (Б. Шергин), представляют, с нашей точки зрения,

не просто одну из разновидностей БК, переходную от процессуальных БК к непроцессуальным, а совершенно особый функционально-грамматический тип БК со своей самостоятельной проблематикой. Рассматриваемые БК обнаруживают воздействие и влияние на семантическую специфику «безличности» со стороны пассивно-перфектной семантики. Наиболее распространенным типом перфектности в пассиве является сочетание в семантике причастия двух элементов: действия (конкретного факта) и состояния (результата действия). В двусоставных пассивных конструкциях (ПК) это единство оказывается «разорванным» в своем субстанциальном измерении. Действие осуществляется одной субстанцией (субъектом действия), а состояние приобретает другую субстанцию, совмещающую признаки объекта действия, но субъекта состояния, например: *Письмо написано мною еще вчера*. Таким образом, уже в двусоставных ПК перфектность приводит к неустойчивости субъектного содержания, к представлению субъектности как динамичного, переменного свойства предметов окружающего мира (см. подробнее [28]). В односоставных пассивно-причастных БК расфокусированность субъектного содержания еще более усиливается.

Пассивно-причастные БК по своей семантике должны быть соотнесены с русским посессивным перфектом типа *У меня убрано*, о котором Ю. С. Маслов пишет, что в его содержании важно «не столько обладание предметом, собственность по отношению к предмету, сколько соотнесенность лица, субъекта с его окружением, их сопринадлежность и взаимопринадлежность друг другу» [29, с. 243]. Именно в этом аспекте преломляется в содержании данных БК идея среды проявления признака как его своеобразного недискретного носителя. Она подразумевает здесь единство деятеля и окружающей его реальной обстановки, включающей возможный объект, — единство, обусловленное ярким и насыщенным перфектным содержанием предиката. Как отмечает А. Тимберлейк [30], субстанции, представляющие деятеля и объект действия в таких конструкциях, лишь частично обладают субъектными свойствами. Это объясняется именно тем, что они могут считаться, на наш взгляд, лишь элементами носителя признака как всей среды проявления перфектного феномена.

Обычно посессивный перфект рассматривается как севернорусская диалектная особенность. Однако можно указать на один сравнительно устойчивый и, по-видимому, допускаемый устными литературными нормами тип употребления пассивно-причастных БК, выступающий как вариант посессивного перфекта (правда, без характерной формы «у + род. пад.»). Речь идет о явной перфектной ситуации, когда говорящий заканчивает действие, направленное на определенный объект и потребовавшее значительных усилий. В этом случае для характеристики достижения результата возможно использование БК практически с любым пассивным причастием СВ, ср.: — *Ну вот, зашито!* (*прочитано, спрятано* и т. д.), т. е. данный тип употребления должен считаться в высокой степени регулярным, во всяком случае для пассивных причастий СВ от транзитивных глаголов. Компонент «у меня» в такой ситуации становится излишним. «Сопринадлежность и взаимопринадлежность» деятеля и окружающей его среды обусловлены здесь перфектностью как проявлением результата действия в актуальном настоящем, в котором непосредственно представлены и деятель (говорящий) и объект действия. С другой стороны, недискретное представление среды проявления признака, интегрирующей в себя и деятеля и объект, т. е. семантическая специфика БК, придает особую остроту и самому перфектному содержанию (ср. более «мягкое»

перфектное содержание в случае двусоставной конструкции: — *Ну вот, шуруп завинчен!*). Таким образом, необходимо говорить о взаимном влиянии и взаимодействии перфектности и безличности.

Это же взаимодействие обнаруживается и в других случаях употребления пассивно-причастных БК. Общим для них остается то, что деятель и объект действия оказываются несущественными, недискретными в границах среды проявления перфектности, которую они обуславливают. Можно выделить, в частности, следующие разновидности.

а) Пассивно-причастные БК, выражающие результат конкретно-физических действий. Например: *Посредине доски письма — эпитафия, — сделано высокой резьбой* (Б. Шергин); *В эту минуту дверная ручка конторы задержалась... — Закрыто, закрыто! — поспешно крикнул Остап* (И. Ильф, Е. Петров). В таких случаях в перфектном семантическом комплексе актуализируется элемент состояния, между тем как элемент действия ослабляется; момент завершения действия и начала состояния отодвинут в прошлое на неопределенный период. Такие БК могут сближаться по своему содержанию с непроцессуальными БК. Однако недискретное представление объекта, указанного в контексте и / или обусловленного лексическими элементами значения причастия, усиливает связь между состоянием и предшествующим действием, акцентирует «сделанность» состояния и тем самым придает дополнительный импульс перфектному семантическому единству.

б) Пассивно-причастные БК, выражающие результат «речевых» действий. Например: *В деньгах категорически было отказано* (И. Ильф, Е. Петров); *Хотя расспросы впереди и сейчас разговаривать с новобранцами запрещено, у многих не хватает терпения* (О. Волков); *Вижу, что не зря сказано: пока солнце взойдет, роса очи выест* (Б. Шергин). Причастия образованы от глаголов, обозначающих языковую коммуникацию. В этой разновидности часто встречаются пассивные причастия от перформативных глаголов, недискретная результативность содержания которых обусловлена самим фактом их речевого использования. Интересна в этом отношении конструкция с причастием *приказано*, ср.: *...Вдруг приезжает к нам чиновник: приказано — де осмотреть магазины* (И. Тургенев). Существование полного причастия *приказанный* в литературном языке сомнительно, поскольку глагол *приказать* является интранзитивным. Однако в БК, для содержания которой объект принципиально несуществен, такое причастие возможно. Это еще раз подчеркивает связь пассивно-причастных БК с посессивным перфектом, допускающим пассивные причастия от интранзитивных глаголов [29, с. 238—239].

4. В данной статье речь идет о семантических особенностях БК в современном русском языке. Однако при обсуждении проблемы требуется хотя бы очень кратко коснуться вопросов истории данных конструкций.

Как известно, генезис БК дает основание утверждать, что исторически носитель предикативного признака в БК связывался с субстанцией, хотя и субстанцией особого рода. А. А. Потебня определял данную субстанцию как мифическую [16, с. 319]. Считаем важным также привести здесь высказывание А. Ф. Лосева: «Подлинный субъект безличного предложения для древнего мышления есть демон, который все еще мыслится слепо-чувственно, животное-инстинктивно, который все еще остается на ступени чувственно-воспринимаемого предмета, еще не отражается полностью в мышлении, а только предполагается им безотчетно и потому не именуется и даже не может именоваться» [31]. Таким образом, в историческом плане семантическое единство БК базировалось на денотативно-понятий-

ной однородности субъекта признака как «демонического» источника (причины, агенса) определенных процессов и состояний. В какой-то мере следы этой древней особенности могут быть обнаружены и в употреблении современных БК, когда носитель признака характеризуется автором высказывания как фантастическое существо с помощью метафор и сравнений, например: *Сыпало не равномерно, а то гуще, то слабее, будто кто-то там, в близких бесцветных небесах, встряхивал снежные запасы из мешка и, когда они иссякали, брался за новый* (Г. Шергова).

Однако за пределами подобных метафор трудно сомневаться в том, что в процессе развития человеческого мышления указанный А. Ф. Лосевым субъект-«демон» претерпел существенную трансформацию. В современном мышлении с развитием его естественнонаучных аспектов идея единой причины процессов и состояний определенного характера дифференцируется на множество их специальных «индивидуальных» причин. Вопрос о субъекте как источнике, причине процессов и состояний, выражаемых в БК, с естественнонаучной точки зрения утрачивает свою единую денотативно-понятийную основу и распадается на ряд различных и независимых друг от друга вопросов, относящихся к ведению физики и метеорологии (*Смеркается*), медицины и физиологии (*В боку колет*), психологии (*Мне грустно*) и других областей научного знания. Денотативно-понятийная общность носителя признака в русских БК базируется теперь на понятии среды проявления признака — среды в широком смысле слова, открытой как для участвующих в реализации признака реальных объектов, так и для воспринимающих проявление признака лиц. Источник (причина, агент) не противопоставлен среде, а включен в нее («растворен» в ней) наравне с прочими элементами, не выделяясь среди них особой существенностью. Уже в раннюю письменную эпоху русского языка носитель признака в БК связан с идеей пространства проявления признака [32].

Как уже отмечалось, среда рассматривается нами как периферия субстанциальности. Среду следует считать наиболее отдаленной, «крайней» периферией субстанциальности, поскольку в классификации предметного мира, опирающейся на имена существительные, для среды проявления признака, обозначенного безличным предикатом, в большинстве случаев не находится соответствующего наименования. Единственным языковым средством обозначения данной среды является ее синкретичное представление в БК.

В то же время среда («средоточие») проявления признака обладает также и определенным субстанциальным аспектом. Субстанциальный аспект среды раскрывается, в частности, в том, что она представляет собой совокупность, «сгусток» свойств. Среди этих свойств выше были названы недискретность, нерасчлененность с проявляемым признаком; пространственная рассеянность; косвенная перцептивность благодаря происшедшему действию или состоянию; способность интегрировать в себя или дифференцировать в себе различные субстанции. В области процессуальных БК к этим свойствам добавляются также относительная стабильность по отношению к динамике проявляемого признака, а также несущественность источника признака по сравнению с другими элементами среды. Именно наличие субстанциального аспекта в содержании среды делает обоснованной трактовку ее как синкретичного носителя (субъекта) признака, обозначаемого безличным предикатом.

В денотативно-понятийном плане семантика БК так же, как и семантика двусоставных конструкций, представляет события, «положения дел». Однако выбор БК далеко не всегда связан с неопознанностью, неизвест-

ностью для говорящего реального носителя признака. Выбор БК связан, скорее, с особой трактовкой события как феномена, в котором преобладает недискретность в отличие от дискретности. Существует целый ряд явлений действительности, денотативно-понятийная структура которых допускает такую трактовку. Одним из ярких примеров реального денотативного единства, «слитности» признака и среды его проявления может служить, в частности, физическое поле (электромагнитное, гравитационное и т. д.). Таким образом, БК в современном русском языке не являются «пережитком», анахронизмом, а выступают как важное средство языкового мышления и языковой коммуникации.

5. Завершая данную статью, считаем необходимым привести соображения об объективном содержании понятия среды проявления признака даже в тех случаях, когда мы рассматривали данную среду как условную. Речь идет прежде всего о среде проявления эмоциональных состояний. Как указывалось выше, эмоциональные состояния проявляются во внутреннем мире человека как особом «ментальном» пространстве, например: *Ночью сперва было жутко, казалось, что кто-то стучится в дверь, но потом заснула* (Т. Сухотина-Толстая); *Дванову жалко стало Нехворайко, потому что над ним плакали не мать и отец, а одна музыка...* (А. Платонов). Следует заметить, что безличные предикаты *жутко*, *жалко* и т. д., взятые в отвлечении от своего функционирования, могут рассматриваться как средства языковой объективации вышеуказанного ментального пространства. Здесь имеется в виду социально значимый момент обобщения в семантике языковых средств: безличные предикаты типа *грустно*, *радостно*, являясь единицами особой грамматической группировки слов, выступают как обозначения эмоционального состояния не отдельного конкретного человека, но эмоционального состояния человека «вообще» и, соответственно, человеческого внутреннего мира «вообще» как потенциальной среды проявления данных состояний. Объективация условной среды проявления эмоциональных состояний по линии их обобщения происходит также и в тех случаях, когда БК выражают семантику временной нелокализованности: *Осенью грустно, потому что красиво* (Л. Гинзбург).

Другой аспект объективации внутреннего мира обнаруживается в случаях осмысления реального пространства окружающей среды как условного пространства проявления эмоционального состояния, например: *Заехали в огромное крытое помещение, где множество машин, эстакады для из ремонта, станки. Полутемно, пустынно, тоскливо* (В. Солоухин). Внешняя среда физического состояния (ср.: *полутемно, пустынно*), отражаясь в человеческом сознании и восприятии и «присваиваясь» человеком, осмыслиется как среда распространения эмоционального состояния, часть внутреннего мира (ср.: *тоскливо*). Рассматриваемая нами условная среда может иногда приобретать вполне реальные пространственные измерения.

Приведенные примеры свидетельствуют, на наш взгляд, о возможности определенной автономии среды проявления признаков типа *грустно*, *радостно* от конкретных лиц, непосредственно испытывающих данные эмоциональные состояния. Встречаются случаи употребления БК, в содержании которых указано, что эмоциональное состояние никаким лицом непосредственно не испытывается, и тем не менее оно осмысливается как объективно существующее, например: *Жутко нам теперь, в этой холодной, необитаемой гостинице!* (И. Бунин). Такие случаи лишний раз подчеркивают, что субъектное содержание БК не может быть сведено к указанию на лицо в форме дат. п., но что его определенные аспекты синкретично выражаются самим безличным предикатом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арват Н. Н. Безличные предложения в современном русском языке. Черновцы, 1965.
2. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
3. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.
4. Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
5. Алисова Т. Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
6. Бирюлин Л. А. Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. С. 8.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 135.
8. Кокорина С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М., 1979. С. 5—9.
9. Steel S. Subject values // Language. 1989. V. 65. № 3. P. 576—577.
10. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации системы и среды // ВЯ. 1985. № 1.
11. Словарь русского языка. Т. 4. М., 1984.
12. Цейтлин С. Н. Строение предложения и речевая ситуация (К проблеме эллиптичности предложения) // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976.
13. Guiraud-Weber M. О синтаксической природе конструкций типа «В комнате пахнет яблоками» // R. Ling. 1980. № 4. P. 296.
14. Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974. С. 353—354.
15. Anderson St. R. Inflectional morphology // Language typology and syntactic description. V. III. Grammatical categories and the lexicon. Ed. by Shopen T. Cambridge. 1987. P. 197.
16. Потемба А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
17. Miller J. A generative account of the «category of states» in Russian // Generative grammar in Europe / Ed. by Kiefer F. and Ruwet Y. Dordrecht, 1973. P. 339—340.
18. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка (Проблемы интенциональных и прагматических контекстов). М., 1989. С. 57—58.
19. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 23—26.
20. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 222—223.
21. Степанов Ю. С. Личности — безличности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 272.
22. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (Синонимические средства языка). М., 1974. С. 56—57.
23. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. С. 191—192.
24. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
25. Leinonen M. Impersonal sentences in Finnish and Russian: syntactic and semantic properties // Slavica Helsingiensia. 3. Helsinki, 1985.
26. Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л., 1991. С. 18.
27. Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981. С. 12—13.
28. Пупынин Ю. А. О типах субъекта в русских пассивных и активных конструкциях // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. Л., 1988. С. 122—124.
29. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
30. Timberlake A. Subject properties in the North Russian passive // Subject and topic / Ed. by Li Ch. N. N.—Y., 1976.
31. Лосев А. Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления. Лосев А. Ф. // Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 316.
32. Георгиева В. Л. Безличные предложения с конструктивным элементом предметного значения в истории русского языка // Вопросы развития грамматики и лексики русского языка. Л., 1968. С. 170.